Искры

МОЙ ГЕНЕРАЛ

С **ГЕНЕРАЛОМ** Игорем Николаевичем Родионовым мы познакомились в Афганистане, когда он был командующим 40-й армией Ограниченного контингента советских войск, что воевал в Гиндукуше. Штаб 40-й размещался во дворце Тадж-Бек, том самом, где был застрелен Амин. Я не был представлен новому командующему, генералу Родионову, и улетел в Панджшер. В этом знаменитом достопамятном и кровавом ущелье проходила очередная общевойсковая операция. Дорога, идущая вдоль зелёной реки Панджшер, охраняемая постами и заставами афганских войск, была перерезана моджахедами. Ахмад Шах Масуд, великий стратег и умелец, перекрыл трассы, лишил афганские посты снабжения и готовился их уничтожить. Наши войска прорывали это опасное и злое окружение, двигались по дороге в горы, встречая по пути ожесточённое сопротивление моджахедов.

Это был район возле селения Кинджоль. Моджахеды заложили на дорогу взрывчатку, обрушили груду породы, остановили ход машин. И когда к этой каменной баррикаде приближались наши войска, бронетранспортёры и танки, открывался шквальный огонь крупнокалиберных пулемётов. И первое, что я увидел, прибыв в Кинджоль, — это горящий бронетранспортёр, неубранные, с осыпавшимися колосьями, поля пшеницы, развалины кишлака и лежащие в тени глинобитных стен убитые и раненые наши солдаты.

Танки выходили на линию огня и оттуда били прямой наводкой по горным пещерам, в которых засели моджахеды с пулемётами. Израсходовав боекомплект, танки возвращались обратно. Я смотрел на эти танки, которые были похожи на ежей. Они все утыканы стальными сердечниками, что были выпущены из крупнокалиберных пулемётов, впились в вязкую броню танков и застыли там. Танки, пополнив боекомплекты, опять уходили на линию огня, и оттуда слышался грохот орудий и стук пулемётов.

В это время сюда, на передовую, на бронетранспортёре, окружённый адъютантами, прибыл генерал Родионов. И первое, что он сделал, — пошёл в развалины кишлака, туда, где лежали раненые и убитые. Он был необстрелянный генерал, восходящий по лестнице воинских званий в советское время, когда не было войн, когда военные получали звания, не имея представления о реальной войне. Теперь генерал Родионов впервые попал на линию огня, увидел убитых солдат. Он подходил к раненым, которые лежали под капельницами, что-то говорил им, называл их сынками. И я понимал, что это был обряд посвящения. Он смотрел на тех, кого он, командующий армией, посылает на смерть, и он брал на себя эту боль и вину и, оснащённый этой виной и болью, всё-таки посылал их в смертельный бой.

Он сел на бронетранспортёр. Я уместился рядом с ним на броне. Он направил БТР на передовую. Мы достигли открытого места, где, окутанный синим дымом, содрогаясь от выстрелов, стоял танк. И впереди с отвесного склона горы, из чёрных дыр мерцали, как электрическая сварка, крупнокалиберные пулемёты, осыпая танк стальными сердечниками.

БТР остановился возле танка, не решаясь двигаться дальше, но Родионов приказал механику-водителю ехать вперёд. Оставляя позади стреляющий танк, БТР двинулся дальше, ближе к горе. Одинокий, открытый для выстрелов, БТР шёл навстречу пулемётам. Сопровождающие Родионова офицеры нервничали, ибо он подвергал опасности не только себя, но и их. Однако они не смели ничего сказать ему и остановить его. Я понимал, что генерал, которому было доверено вести эту опасную горную войну, проверял себя на смелость, на стойкость. Он впервые попал под огонь и хотел понять, что это значит: быть на виду у стрелков, которые уже сожгли несколько боевых машин и убили немало наступавших на укрепрайон солдат. Наконец Родионов приказал водителю развернуть машину, и мы невредимые вернулись к командному пункту, наблюдая за ходом операции.

Танки были не в силах подавить огневые точки. Над горой нависали вертолёты и сбрасывали сверху бочки с горючим. Бочки падали, разрывались, и липкий огонь полз по склонам, достигая пещер. Но он не проникал вглубь пещер, и огневые точки продолжали работать.

Тогда на вершину горы был высажен десант. Десантники сверху проникли в тыл моджахедов, подавили огневые точки и очистили путь колоннам, которые медленно, грузно двинулись вверх по дороге, уходя туда, где в неприступных твердынях угнездился отважный "панджшерский лев" Ахмад Шах Масуд.

Мы с генералом Родионовым сидели на самом берегу зелёной реки Панджшер. Прилетел вертолёт. Из него вышел заместитель командующего генерал Дубынин. Мы смотрели на зелёную реку, мыли в ней свои запылённые, с чёрными ногтями руки. Смотрели, как по воде сплавляются вниз остатки разгромленного укрепрайона: какие-то капельницы, бинты, пузырьки. И мимо нас проплыла чёрная раскисшая чалма.

Через несколько лет, отправляясь в Степанакерт, в Карабах, где начиналась война, из Еревана я позвонил командующему Закавказского военного округа, которым был тогда Игорь Николаевич Родионов, и попросил помочь мне добраться до Степанакерта. Он отдал приказание, мне выделили УАЗ, генерал Макашов, который в ту пору был ответственным за ситуацию в Армении, дал мне в дорогу свой автомат. Мой опыт карабахской войны переплетался с афганским опытом и продолжал мои отношения с генералом Родионовым.

Когда случилась беда, и на улицы Тбилиси вышла разъярённая толпа антисоветчиков, требующих выхода Грузии из Советского Союза, генерал Родионов получил телефонный приказ Горбачёва разогнать толпу. И армия пошла на улицу Руставели выполнять приказ верховного главнокомандующего. Состоялась жестокая схватка. На солдат обрушились удары железных палок, их кололи заточками, и солдаты, не имея при себе автоматов, достали сапёрные лопатки и ими отбивались от беснующейся толпы. Разразился страшный скандал. Горбачёв отрёкся от своего приказа, переложил всю ответственность на генерала Родионова. Собчак возглавил комиссию, которая разбирала тбилисский инцидент. И газета "День", видя несправедливые, жестокие нападки на генерала Родионова, нападки на несчастную, беззащитную, преданную верховным главнокомандующим армию, выступала со статьями, разоблачавшими Горбачёва и Собчака. Мы защищали доброе имя генерала и славную, но уже обессиленную Советскую армию.

Вновь мы встретились с генералом Родионовым в Москве, когда он был назначен начальником Академии Генерального штаба. Я бывал в его кабинете, куда приходили и вступали в нашу беседу преподаватели Академии, заслуженные генералы. Мы все чувствовали надвигающуюся беду — скорое падение государства. Мучились, сотрясали воздух бессильными словесами. Генерал Родионов доставал из шкафчика бутылку чачи, которую ему присылали из Тбилиси, и мы пили огненную, приготовленную из винограда чачу, хмелели, и наши разговоры становились ещё горше и ещё беспомощнее.

После краха Советского Союза я редко виделся с Родионовым. Однажды он приехал ко мне в редакцию в военной форме генерал-полковника, не побоявшись переступить порог нашей опальной, воюющей с ельцинской властью редакции. Я оценил этот шаг моральной поддержки: так он благодарно ответил на наши статьи о тбилисских событиях.

На краткое время Родионов стал министром обороны, но очень скоро, через несколько месяцев, не согласный с военной политикой Ельцина, бросил вызов кремлёвскому самодуру, и под хамские выкрики Ельцина был отправлен в отставку.

Мы встречались с Игорем Николаевичем тайно на улицах, в маленьких дешёвых кафе, где он передавал мне статьи своих армейских друзей. Всё зазывал меня приехать к нему в гости на дачу под Красногорск, куда я так и не собрался.

Он скончался и был похоронен на военном мемориальном кладбище в Мытищах. Я снова увидел генерала. Но не живого, а его бронзовую статую, которую мы водружали на могиле. Под звуки оркестра, под треск автоматного салюта я ещё раз мысленно обнимался с генералом, вспоминал ту давнюю встречу у зелёной реки Панджшер, где мы смотрели на бегущую воду, не ведая, что принесёт нам и нашей Родине эта зелёная река, как она обойдётся с каждым из нас, как поведёт себя каждый из нас в этой наступающей грозной, сулящей несчастья жизни.

Слава тебе, Игорь Николаевич Родионов. Слава тебе, мой генерал.

Александр ПРОХАНОВ

УЖАСНЫЙ МУТАНТ «НОВИЧОК»

Супер-мемы в информационной войне

Все мы находимся под воздействием мощного информационного поля, которое транслируют на нас СМИ. Иногда это поле начинает бешено вибрировать, искажаться и скручиваться. Это значит, где-то зарождается медийный вихрь, происходит информационный взрыв. Это может быть какая-то сенсация — мнимая или подлинная. Какой-то пустяковый, но очень громкий скандал. Чья-то естественная или насильственная смерть. Или яркое начало некоего большого долгого процесса, будь то война, эпидемия, смена власти в государстве…

После колоссального всплеска всеобщего интереса событие быстро забывается. Так было всегда, но сейчас — в эпоху информационного бума — амплитуда подобных взлётов и падений зашкаливает.

Любая тема быстро перестаёт быть актуальной, её перекрывают новые всплески. Однако остаётся осадок в виде определённых концептов. Эти концепты сверхплотные и сверхтвёрдые. Их очень трудно забыть или опровергнуть. Они — как стальные шарики, брошенные в тесто. О них приходится помнить всегда.

ИСТОРИЯ с мнимым или подлинным отравлением оппозиционного блогера Алексея Навального из того же ряда. Информационный взрыв случился, пациент выжил, и все благополучно забыли о происшествии. Да, жизнь этой новости немного удлинилась благодаря активистке Марии Певчих, которую подозревают в злодействе. Наличие женщины придаёт любой истории привкус драмы. На этом принципе живёт вся мировая литература. Однако Навальный и его роковая якобы возлюбленная держались на сияющем пике всеобщего внимания ровно неделю. Потом они неизбежно сползли в тень, оставив на вершине одну только вещь. Впрочем, это не совсем вещь. И даже не вещество и не субстанция.

Это слово, а точнее, имя. Речь идёт о названии "Новичок".

После дикого международного скандала вокруг пресловутой "химической атаки" в Солсбери произошло ровно то же самое. Гул затих, зато на подмостки истории вышел "Новичок". Теперь это название прочно въелось в мозг западному обывателю.

Да, "Новичок" — это очень серьёзно, очень круто и очень опасно. Да, "Новичок" — это сверхоружие. Однако это вовсе не химическое оружие, это ментальное оружие. И это не оружие русских, а оружие против русских. То есть мы имеем дело не с оружием массового поражения, а с оружием поражения массового сознания.

Дело в том, что "Новичок" — это супер-мем. Синтезированный, выпестованный и запущенный по планете Земля.

Понятие "мем" придумал английский биолог Ричард Докинз — один из самых крупных специалистов в области этологии. Как известно, этология — это наука о социальном поведении животных. Многие этологи давно перешагнули невидимую границу и применяют свои наработки в отношении человека и человеческих сообществ. Этологическая терминология ("альфа-самцы" и прочее) широко используется в прикладной психологии.

Именно Докинз в 1976 году модифицировал слово "ген" в "мем". Ибо ген есть единица биологической информации, а мем — это единица социокультурной информации. Заложенные в нас мемы определяют наш образ мыслей, наше культурное развитие.

В 20-е годы XX века американский журналист Уолтер Липман стал употреблять слово "стереотип" не в значении типографского шаблона. Полиграфический смысл этого слова он заменил на информационный, социокультурный. С тех пор стереотип стал означать устоявшуюся форму общественного сознания.

Любая пропаганда — это фабрика изготовления новых стереотипов и цех по ремонту старых… Принцип пропаганды прост: много и часто повторять определённые формулы, которые со временем становятся в сознании общества "истинами". Так вот, на базе супермема "Новичок" создаётся стереотип: Россия — страна-отравительница.

Для наглядности приведу цитату. Вот что писала газета "Гардиан" на прошлой неделе:

"Берлин заявил, что образцы, взятые у Навального, содержали следы яда из группы химических веществ "Новичок". Западные лидеры теперь могут не сомневаться: доказательства ведут непосредственно к Москве и её секретным шпионским агентствам. И к собственной двери Владимира Путина. Некоторые яды можно купить в магазинах. Но не "Новичок", который советские учёные разрабатывали во время холодной войны в закрытых лабораториях. Это прерогатива только одного государства — России. За последнее десятилетие Москва произвела и накопила некоторые объёмы этого вещества, считают западные спецслужбы. Путин тесно связан с этим, добавляют они. Специальные подразделения разработали инновационные способы его доставки, включая нанесение на дверные ручки.

Неясно, стояло ли ГРУ за заговором против Навального или это могла быть работа ФСБ — российского внутреннего шпионского агентства, которым Путин руководил до того, как стал премьер-министром и президентом. В любом случае выбор яда неслучаен. Это визитная карточка…

Используя "Новичок", Москва передаёт послание угрозы и презрения, демонстративное по своей природе и направленное как на Запад, так и на жёстко настроенных внутренних критиков президента.

Отравленный чай — это отличительная черта путинского режима, а до него — КГБ…

Россия должна ответить на "серьёзные вопросы" об отравлении Алексея Навального "Новичком", считает НАТО.

Ещё один нерешённый вопрос — почему Москва разрешила Навальному лечиться за границей, зная, что рано или поздно "Новичок" внутри его тела будет обнаружен? Логичный вывод: Москва хочет, чтобы мир знал".

По сути, это не аналитическая статья в старейшем британском издании, скорее это краткое изложение сценария фильма про Джеймса Бонда. Фабула: демонический диктатор Путин шантажирует весь мир ужасным "Новичком".

Подобными стереотипами бурлит западная пресса. Накал "тамошней" пропаганды сложно оценить из России. Однако от всей этой зловещей галиматьи веет гарью. Обычно так диффамируют противника перед началом боевых действий.

Откуда же появился супер-мем "Новичок"? Не стоит подвергать сомнению факт, что никакого "Новичка" не было в арсенале советских военных химиков. Боевые вещества обозначались кодами, которые были строго засекречены. Правда, оружию порой люди дают неофициальные названия. Так, к примеру, советский стратегический бомбардировщик Ту-160 русские военные лётчики назвали "белым лебедем", а американские — "чёрной дубинкой". Но наш гигантский "стратег" был на виду. Поэтому и получал разные прозвища.

Разновидности химического оружия были строго засекречены, и в папках "для внутреннего пользования" хлёсткие имена им никто тогда не присваивал.

Кто же и когда назвал советское отравляющее вещество "Новичком"?

На сайте Би-би-си написано очень хитро: "В начале 1990-х годов химик Вил Мирзаянов рассказал миру о засекреченной советской программе создания класса отравляющих веществ, известного как "Новичок"".

Занятно, что подобная формулировка есть и в "Википедии", и в других западных источниках. Но ведь статья "Отравленная политика" (авторы Вил Мирзаянов, Лев Федоров), опубликованная в сентябре 1992 года в газете "Московские новости", хоть и рассказывает о различных советских боевых веществах, но не содержит упоминания названия "Новичок". Получается, что данные вещества стали "позже известны" под этим именем. Когда же?

Впервые "страшный и ужасный" Novichok был упомянут в голливудском фильме "Цена страха" в 2002 году. Именно оттуда он перекочевал в книгу Мирзаянова о российском химическом оружии.

Проживающий в США бывший советский учёный начал писать свою книгу сразу же после знаменитой Мюнхенской речи Путина, издал её в 2008 году в Денвере на английском языке.

После этого имя "Новичок" всплыло в 6-м сезоне сериала "Ответный удар", который был показан в Британии летом 2017 года.

А меньше чем через год в унавоженную почву была брошена граната. Грянул скандал со Скрипалями. Именно тогда состоялась мировая премьера супер-мема, нового идеологического антирусского бренда — "Новичок".

Невзирая на всю карикатурность происшествия в Солсбери, кризис наступил серьёзный, и скандал был дикий. Впрочем, казалось, что "Новичок", этот ядовитый ментальный сгусток, брошенный в Россию, произведя некоторые разрушения, растворится в воздухе, сгинет, как шаровая молния. Но не тут-то было! Прошло два года, и снова грянул гром.

Как только СМИ стало известно о болезни Навального, западная пресса затарахтела про отравление "Новичком". После отправки Навального в ФРГ германские, шведские, французские учёные клятвенно подтвердили первоначальные мрачные подозрения — да, это он!

Что ж, дальнейшая жизнь супер-мема "Новичок" зависит от масштаба провокаций, организованных под этой броской вывеской. Один мощный теракт в Европе (с реальными жертвами), и "Новичок" встанет на равных с "ГУЛАГом".

"Новичок" бьёт по Российской Федерации, "ГУЛАГ" бил по СССР. "Новичок" бьёт по вакцине "Спутник", "ГУЛАГ" бил по первому искусственному спутнику Земли, запущенному СССР на орбиту.

Как известно, ГУЛАГ — это Главное управление лагерей, то есть сегодняшний ФСИН. Однако при помощи романа Солженицына ГУЛАГ был превращён Западом в супер-мем. Слово "ГУЛАГ" звучит тяжело, весомо и страшно. The GULAG сначала произвёл фурор в США и Европе, а потом, в период перестройки, был завезён в Россию. Ныне роман "Архипелаг ГУЛАГ" включён в школьную программу, а каждый областной центр обязан открыть мемориал жертвам "ГУЛАГа".

Предположим, российская власть на каком-то этапе даст слабину, ошибётся и проиграет. И — не дай Бог! — страна рухнет, и нас снова оккупирует Запад. И тогда, помимо ураганной гей-пропаганды, нас ожидает встреча с культом поминовения жертв "Новичка". Выяснится, что "кровавым режимом" были отравлены (задушены) вовсе не единицы, а тысячи. А может быть, и миллионы!

Молодое поколение будет задавать себе вопрос: как же жили их родители в этом кошмаре? Еще и детей умудрялись рожать.

— Папа, расскажи, как тебе удалось выжить при "Новичке"?

В Москве будет открыт гигантский мемориальный комплекс памяти жертв "Новичка", в центре которого — огромная чугунная статуя задыхающегося Скрипаля. Мемориал будет называться "Скрипаль скорби".

Да, страна, придумавшая и применившая "Новичок", не имеет права на будущее. Она должна принести покаяние перед всем миром и навеки забыть о любых амбициях. Ведь ничего страшнее "Новичка" пока не придумано человечеством…

Именно так работают супер-мемы. Но как и кем они создаются?

К созданию антисоветского мема "ГУЛАГ" приложил лапку, знамо дело, писатель Солженицын, памятники которому не устаёт ставить российская власть. У "Новичка" же отчётливо прослеживается ярко выраженный голливудский след. Остроумные сценаристы фильма "Цена страха" придумали русское название для отравляющего вещества, которое складывается из нескольких английских слов: Now, we, choke… При желании можно прочитать: "теперь мы задыхаемся".

Информационная война против России ведётся не только на уровне пропаганды, дезинформации и "активок" спецслужб. Это война мифов, мемов и образов.

Здесь явлена чёрная магия всесильных заряженных слов.

Андрей ФЕФЕЛОВ

АПОСТРОФ

Александр ПРОХАНОВ. Вопрос в лоб. Беседы разных лет. — М.: "Наше Завтра", 2021. — 650 с.

Будучи, бесспорно, писателем первого ряда и поистине гениальным журналистом, Проханов проявляет себя ещё в одном качестве, менее известном широкой публике, — коллекционирует бабочек. Для этого необходимы некоторые особые качества, каких нет у других. Настоящий коллекционер ведь не довольствуется лишь выдающимися, редкостными экземплярами; он всегда готов присовокупить к своей коллекции и какое-нибудь вполне заурядное, совсем не презентабельное и даже по внешнему виду противное насекомое, если такового в ней ещё нет.

Эти качества Проханов в полной мере переносит и в свою кипучую журналистскую деятельность, совершая в ней то, на что вряд ли решился бы кто-нибудь из коллег, будь он человеком его уровня, отнюдь не обременённым редакционным заданием, спущенным сверху. Живой классик современной русской литературы, берущий, в числе прочих, интервью у разного рода политических субъектов с "дутой" репутацией и пониженной социальной ответственностью — вполне постмодернистский сюжет, достойный того, чтобы быть включённым в очередной роман Проханова.

Сборник интервью главного редактора "Завтра", взятых им в разные годы — с начала 90-х вплоть до дня сегодняшнего — у немалого количества самых разнообразных персонажей, объединяет такие несовместимые имена, какие собрать под одной обложкой способен, наверное, только Проханов. Политики, писатели, художники, политические авантюристы, архиереи, старцы, священники, путешественники, дамы полусвета, заагентуренные блогеры — кого только нет в этом редкостном сонме!

И, поскольку интервью брались в разные годы на протяжении немалого временного отрезка почти в 30 лет, весьма занятно и поучительно читать и сопоставлять некоторые из них, сравнивать давние оценки с более поздними, а также то, как воспринимались некоторые персонажи дней сегодняшних где-нибудь в начале и середине 90-х.

Убеждённый государственник, создатель уникальной патриотической концепции газеты "Завтра", непрестанно взыскующий высшего (и даже религиозного!) смысла русской истории, стремящийся соединить связь времён, Проханов не может не признать, что несколько ошибся, промахнулся в своей оценке как имперца А. Г. Невзорова ("Глебыча"), сегодня одного из одиознейших и хамски-отвязанных публицистов либерального лагеря.

А сколь пикантно звучат глубокомысленные рассуждения Б. А. Березовского из 2002 года (самого начала его вынужденной эмиграции), на полном серьёзе рассказывающего о своей и других олигархов самостоятельности и "пустоте Путина", который якобы ничего не делает, а всю свою активность сводит лишь к "пиару" и поддержанию рейтинга!

Уникальность концепции газеты "Завтра" 1990-х годов (где, повторяем, Проханов проявил себя как действительно гениальный журналист) заключалась в том, что в ней цвели все цветы. Не было другой такой газеты, где соседствовали бы религиозный коммунист С. Кургинян, православный монархист М. Назаров и А. Дугин. "Главное — свалить Ельцина, а уж между собой как-нибудь разберёмся", — вот был пафос убеждённо антилиберальной патриотической публицистики 90-х.

Затем Ельцина в политике не стало, и Кремль заимствовал риторику патриотов. После этого последние могли сколько угодно разбираться между собой, ибо (как признаёт в одном из интервью и сам Проханов) видимая победа обернулась фактическим поражением. "Путин пришёл не от нас". А кто и как, хочется здесь спросить, мог прийти "от нас"? Но это так, к слову.

Затем прохановский "синкретический патриотизм" с его неоимперским пафосом, со всё более левым, красным оттенком стал основой той оболочки, в которую "младочекисты", правящие страной, упаковали свой либеральный национализм, как бы это ни называлось. Это и есть главный, если можно так выразиться, экзистенциальный нерв того трагического положения, в котором пребывает наша сегодняшняя патриотика.

Как необычайно чуткий человек и к тому же незаурядный художник, Проханов всеми фибрами души очень остро ощущает ту опасную двусмысленную скверну, что разлита в политической реальности современной России. Страдая от этого, он, тем не менее, не боится погружаться в это царство постмодерна, стремясь разрушить его изнутри, пытаясь прорваться к взыскуемому высшему смыслу сквозь многолетние напластования лжи и подмен.

Отсюда глубоко неслучайные переходы от возвышенных и содержательных бесед с людьми умными, мыслящими и духовными к интервью с такими персонажами, с которыми обычный человек, особенно патриотических убеждений, никогда не сядет за один стол. Однако выполнима ли эта задача — "разобраться" с постмодернистской скверной, так сказать, её же средствами, плохо совместимыми с Русской Мечтой, примирением красных и белых и Пятой империей? Как чувствует себя в этой ситуации искомый высший смысл, что, по логике мысли и всех действий Проханова, возвышается над всем многообразием его журналистики?

Тем не менее, Проханов по-христиански стремится в каждом из своих собеседников узреть то, что соответствует его интуитивному идеалу.

Владимир СЕМЕНКО

Книгу Александра ПРОХАНОВА "Вопрос в лоб" можно приобрести в День-магазине (+7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru).